

с Михаилом Садчиковым

Петербургские вечера

Актер милостью Божьей, мужчина редкого обаяния, трудоголик, весельчак, балагур, с годами ставший мудрецом. Одессит, с годами ставший петербуржцем. Болельщик «Черноморца», ставший преданнейшим «зенитовцем». Сергей Григорьевич, Серега, Сереженька... Найдется ли в Одессе, Петербурге, любом другом городе хоть один человек, что бросит в него камень, скажет дурное слово! Ры-

царь без страха и упрека. Дон Кихот. Сказочник Ганс Кристиан Андерсен. Эти роли он сыграл в кино и театре... Мы с Сережей почти ровесники, у нас общие кумиры молодости, общие увлечения. Но нам интересно друг с другом, потому что от него никогда не знаешь, чего ожидать. Любопытно было узнать, что думает Мигицко о великом городе.

Сергей МИГИЦКО:

В этом городе я нашел Батьку...

— Уважаемый Сергей Григорьевич, когда, при каких обстоятельствах вы осознали красоту и уникальность Петербурга?

— Городом я был ошарашен, очарован в первый же день. В Ленинград я приехал из Одессы поступать в театральный институт. Водитель такси, что вез меня из аэропорта в общежитие, сделал потрясающую экскурсию с погружением. Крутя головой, я видел лица, останавливающиеся на красный свет, видел порядок в городе, архитектурные чудеса. Мы проехали весь центр — я был ошарашен, очарован. Стояли белые ночи, и в первую же я прогулялся по центру, был открыт Летний сад, все работало... Получилась одна из самых длинных ночей моей жизни.

— Каждый год ЗакС Санкт-Петербурга называет нового почетного гражданина великого города. Но почему только одного? Не маловато ли на 5-миллионный город? Сколько, на ваш взгляд, стоило называть?

— Этот вопрос, наверное, не ко мне. В Петербурге множество достойнейших людей. Город достойнейших людей в культуре, науке, спорте и многих направлениях. Я поражаюсь богатству духовному, которое здесь сосредоточилось.

— Если бы сто лет спустя после нашего разговора вы вернулись в Петербург, каким бы хотели увидеть этот город?

— Петербург — вечный город. Я бы хотел увидеть по крайней мере все великие памятники центра в таком же виде, как сегодня. Мне кажется, добавлять ничего не стоит — лучше просто сохранить то, что сделала история.

— Был такой момент, такой период, когда Петербург на вас давил, сковывал, испытывал на прочность?

— Никогда. Даже сырость, прохлада, игра погоды, частые простуды и потеря голоса меня не сломали. Петербург мне нравится во всех своих проявлениях.

— Какие две-три городские проблемы вам лично не дают спокойно жить и спать?

— Хотелось бы видеть в современных петербуржцах больше культуры. Вот, наверное, единственная проблема. А вообще я безумно выматываюсь на работе (в своем родном Театре имени Ленсовета артист занят сразу в семи спектаклях, а ведь не прекращаются еще антрепризные проекты, съемки в кино, на ТВ. — Прим. авт.).

— Какие особенные места в Петербурге вы показываете своим друзьям?

— В первую очередь показываю центр, а потом уже — каналы, реки, речушки. Обязательно делаю экскурсию на катере по Неве — вверх и вниз. Ездим смотреть рельеф Комарова, Репина, Зеленогорска. Стараюсь показать Таврический, Летний, Михайловский сады... Вот это — мои самые любимые места.

— За кого из известных петербуржцев вам было или сейчас стыдно, неловко?

— Таких людей нет.

— Как вам нынешний Петербург по сравнению с тем, что было десять, двадцать, тридцать и так далее лет назад?

— Внешне становится лучше. Слава богу, все понимают, что этот город значит для России и для каждого из нас. Сейчас Петербург прекрасен!

— Нет ли в этом некоего патристического преувеличения, когда мы говорим про Петербург: «Самый красивый город Земли»?

— Наверное, нет. Просто однажды, абстрагированно от всего, посмотрите на наш город, когда в нем нет машин, автобусов, троллейбусов, вообще транспорта. Советую пройтись поздно ночью или рано утром, увидеть, в каком городе мы живем. Я знаю, что парижане восхищаются, потому что у них нет такой реки, как Невы. Сена поменьше будет. И жители Будапешта восхищаются, потому что у них нет мостов разводных, и венгерские артисты каждый год просят нас показать эту красоту. Есть на свете прекрасные города, но Петербург, я считаю, им не уступает. Это абсолютно романтический город, я бы советовал всем влюбленным приезжать в Петербург. Я много раз влюблялся и всякий раз гулял по ночному Петербургу — такое чудо!

— Были ли в вашей жизни моменты, когда вы хотели, собирались уехать в другой город?

— Один или два раза накатывало искушение, но я очень быстро передумывал.

— Что вы лично сделали для Петербурга и что он — для вас?

— Стараюсь просто хорошо выполнять свою работу. Иду я как-то по Москве и вижу: лежит бумажка. Поднимаю и кладу в урну. Делаю это, сам того не замечая. И слышу: «Сразу видно — петербуржец!» Узнают, хотя я петербуржец не коренной. Но мне очень

нравится, что меня называют «петербуржец». Что сделал для меня Питер? Питер дал мне главное: образование и учителей. Меня здесь ждали педагоги удивительные. Меня учили искусству и культуре люди выдающиеся. Их мне подарил Питер. Пожалуй, самое главное, что я здесь стал тем, кто я сегодня есть.

И самый важный — мой Учитель. Игорь Петрович Владимиров... Я приехал поступать в театральный институт с письмом для Игоря Петровича от тогдашнего главного режиссера Одесского театра оперетты Матвея Абрамовича Ошировского, с которым они одно время ютились на Высших режиссерских курсах: «Игорь, дорогой, возьми этого мальчика на свой курс!» Я с этим письмом поехал поступать. Но когда первый раз увидел Игоря Петровича, забыл и про письмо, и про то, кто его писал... Начало июля, было очень тепло. Моховая залита светом. Абитуриенты, покуривая, ждали, когда начнется экзамен. В это время кто-то зашумел: «Едет! Едет!» Со стороны улицы Белинского повернула светло-голубая «Волга», с оленем. Игорь Петрович колесил не очень быстро, свыше 50 километров не развивал. Я никогда его не видел, помимо фильма «Тайна двух океанов». Открылась дверь, и со стороны водителя вышел человек в таком же серо-голубом костюме, без галстука, в голубой рубашке, высокий, даже длинный, с длинными ногами и руками, красивым розовым лицом. Седой, как я сейчас, аккуратно подстрижен. Я обалдел, ноги вросли в землю. Но

ни «Волга», ни этот цвет костюма и рубашки, ни седина его не произвели такого впечатления, как его огромная энергетика. К нему можно было подключать атомную электростанцию — он очень был внутри силен. Он меня ошарашил, притянул, заморозил... В театральном институте набирали два мастера в один год. Я попадал к другому мастеру, а когда вдруг услышал, что прохожу к Владимирову, это был мой второй тормоз, все радовались, а я сидел никакой. И даже Владимиров спросил: «Мигицко, ты что — расстроился? Мы мигом все поменяем!» Тут я «проснулся»: «Н-е-т!» Мы дали курсом Игорю Петровичу кличку — Батька. И ему это страшно нравилось.

— Есть у вас или у вашей семьи воспоминания, ассоциации, связанные с газетой «Вечерний Петербург» («Вечерний Ленинград»)?

— «Вечёрка»! Теперь читаю не так часто. Но раньше «Вечёрка» всегда торчала из моего кармана. Журналисты «Вечёрки» каждый год играют с командой БДТ футбольные матчи, на которые лет пять, если не семь, приглашают меня как легионера. Я получаю огромное удовольствие от этих игр, я вообще люблю традиции.

— Как вы проводите свои петербургские вечера?

— Люблю пройтись. И зимой, и летом, в любое время. Мы с вами поговорим, и я сразу пройду. Загляну к друзьям. Они ждут меня: дома, на кухне, в уютном ресторанчике, на спортплощадке, на «Петровском»...